

играли сначала разъ въ недѣлю, потомъ два раза; наконецъ, образовалась постоянная труппа. Тутъ служили и Рыбаковъ, и Стрепетова, и Козельскій...

Въ Маломъ театрѣ я дебютировалъ въ 1869 году въ «Свои люди сочтемся» — игралъ Подхалюзина. Курьезно, что пять лѣтъ тому назадъ, въ днѣ 35-лѣтїя моей службы въ Маломъ театрѣ, я игралъ того же Подхалюзина... 35 лѣтъ игралъ одну и ту же роль!

О литературныхъ знакомствахъ М. П. говорить:

— Я выросъ среди лучшихъ литераторовъ того времени, которые были въ дружбѣ съ моими отцомъ. Потому-то, начавъ съ 1887 года заниматься беллетристикой, я держался ихъ вкусовъ и воззрѣній...

М. П. много игралъ съ Н. Х. Рыбаковымъ. Въ музеѣ А. А. Бахрушина есть карточка, гдѣ они сняты въ «Лѣсъ» — Несчастливцевъ (Н. Х. Рыбаковъ) и Счастливецъ (М. П. Садовскій).

— Помню, — говоритъ М. П., — какъ, играя со мной въ «Лѣсъ», Н. Х. Рыбаковъ запнулся на словахъ: «Самъ Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ»... Мы потомъ смѣялись, что онъ забылъ собственное свое имя...

— По поводу «Лѣса», — продолжаетъ М. П., — мнѣ вспоминается провинциальный актеръ П. Д. Чистяковъ, по сценѣ Волгинъ. Волгинъ былъ «на-ты» съ А. Н. Островскимъ, и когда тотъ написалъ «Лѣсъ», Волгинъ рассказывалъ: «Прихожу я къ нему (Островскому) и говорю ему: «Сама, ты написалъ пьесу изъ актерскаго быта. Но, вѣдь, я хотѣлъ быть знаю лучше тебя. Позволь мнѣ два-три монолога вставить». А Островскій и говорить мнѣ: «Петя, вставь».

— Съ тѣхъ поръ, — говоритъ М. П., — мы всѣ этого Волгина иначе и не называли, какъ «Петя, вставь»!

Этотъ Волгинъ былъ типичнымъ провинциальнымъ актеромъ, выдумывавшимъ всегда какіе-нибудь необыкновенные «строки».

Разъ какъ-то въ Ярославлѣ онъ объявилъ въ свой бенефисъ, что съѣсть живого человека... Вышелъ на сцену во фракѣ, сталъ и спрашивать: «Ну, кого

ѣсть?.. Кто жадаеть?»... Сначала всѣ молчали, потомъ вызвался какой-то парень... озлобился. Волгинъ его кусануль... Парень бѣжать. Поднялся скандалъ, хотѣли Волгина бить. Онъ еле-еле спасся чернымъ ходомъ!..

М. П. вспоминаетъ курьезы стараго времени:

— Вотъ тутъ недалеко, — и М. П. указываетъ по направленію къ Трубной площади, — была театральная пивная Егора Константинова, а въ пивной сидѣлъ постоянно «докторъ Фаустъ», который всегда говорилъ: «А я только-что съ практики!» — «Гдѣ былъ?» — «Въ Хамовникахъ, получилъ 30 копеекъ за визитъ...» Это мѣсто называлось «Волчья долина». Почему «Волчья долина», — неизвестно. И тутъ на площади кварталные публично сѣвали пьяныхъ портныхъ и саложниковъ... Это у меня описано въ одномъ изъ моихъ рассказовъ.

О своихъ роляхъ М. П. рассказываетъ:

— Самый шумный успѣхъ я имѣлъ въ роли Бѣлугина («Женитьба Бѣлугина»). Эта роль сразу выдвинула меня на положеніе премьера...

Изъ лучшихъ ролей — Барандашева («Безприданца»), Мурзавецкаго («Волки и овцы»); послѣднюю роль я игралъ, когда пьеса «Волки и овцы» въ первый разъ шла на сценѣ въ 1876 году.

Не любилъ я играть Тихона въ «Грозѣ», т.-е. не «не любилъ», а тяжело было всегда, на душѣ скребло. Когда я игралъ Тихона въ первый разъ въ «кружкѣ», была сильно больва моя мать. Даже за священникомъ хотѣли послать. Я ухаживать играть, но съ трудомъ слова выговаривалъ. Какъ меня ни подбодряли, — ничего не дѣйствовало. Когда я вернулся домой, все было благополучно, кризисъ миновалъ, но тяжелое впечатлѣніе осталось навсегда...

— Сдѣлалъ я, — рассказываетъ въ заключеніе Михаилъ Прововичъ, — списокъ артистовъ, которыхъ зналъ, которыхъ видалъ на сценѣ и съ которыми игралъ и служилъ... Ой-ой, какой мартирологъ жестокій! Сколькихъ ужъ нѣтъ!..

С. СПИРО.

Русское Слово № 238 — 17 окт. 1909.